

В. Н. Борков*

О НОВЫХ ПОДХОДАХ К КОНСТРУИРОВАНИЮ ЗАПРЕТОВ НА СОВЕРШЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена поиску подходов к установлению уголовной ответственности за создание коррупционной группы и незаконное обогащение. При криминализации незаконного обогащения предстоит снять два противоречия: конструкция состава коррупционного обогащения не должна создавать предпосылок для нарушения принципа презумпции невиновности, предлагаемая норма должна согласовываться с ч. 1 ст. 14 УК РФ, т. е. описывать преступное деяние.

Ключевые слова: незаконное обогащение, коррупционное обогащение, публично-правовой порядок оплаты труда, должностное лицо

Изучение судебной практики по коррупционным преступлениям показывает, что извлечение коррупционером незаконной имущественной выгоды из своего должностного положения, как правило, осуществляется не без участия лиц, заинтересованных в предательстве чиновником публичного интереса. При этом наиболее разрушительны не «бытовое» взяточничество, а организованные коррупционные отношения, понижающие экономику. Помимо склонных к предательству интересов службы должностных лиц, участниками коррупционных связей часто выступают недобросовестные предприниматели. «Стремлению бизнесменов подкупить лиц, принимающих решения, соответствует фактор их продажности»¹. По данным Фонда ИНДЕМ, сумма взяток, получаемых чиновниками от предпринимателей (деловая коррупция), оценивается в 33,5 млрд долл. (чуть меньше доходной части бюджета), а от граждан (бытовая коррупция) — почти в 3 млрд долл.²

Исследуя экспертные оценки российской коррупции, М. П. Клейменов пишет о распространении коррупционных сетей. Наряду с государственными чиновниками, обеспечивающими принятие «нужных» решений, в их состав входят коммерческие или финансовые структуры, которые реализуют полученные выгоды и льготы, превращая их в деньги³. По данным МВД РФ, «в некоторых регионах России в коррупционные отношения вовлечены две трети предпринимателей...»⁴.

Коммерсанты стремятся получить незаконные льготы и преимущества по сравнению с другими участниками экономических отношений, избежать наказания за совершенные правонарушения. Иногда предпринимателями движет нежелание возмещать ущерб, который они причинили своим партнерам и клиентам. Так, начальник таможенного поста А. признан виновным в получении взятки в крупном размере от предпринимателя П. за «ускорение процедуры таможенного оформления товаров, поступающих в адрес представляемого П. ООО „Автолюкс“»⁵. Должностное лицо местного самоуправления Б. получал деньги от А. и К. за «быстрое и успешное прохождение процедур оформления и согласования с администрацией города пакета документов на право предоставления транспортных услуг населению города»⁶. Полковник У., курирующий взаимодействие военного ведомства с компаниями, получившими в доверительное управление средства армейской ипотеки, по сговору с ними за взятку не реагировал на причинение деятельностью этих компаний крупного материального ущерба государству⁷.

Опасность коррупционной связи между властью и бизнесом осознается законодателем. Первым в ряду запретов, связанных с гражданской службой, стоит запрет «участвовать

* Борков Виктор Николаевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России (Омск). E-mail: borkovv@mail.ru.

на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организацией...»⁸. Заметим, что это требование распространяется на должностных лиц правоохранительных органов⁹, а также лиц, занимающих государственные должности Российской Федерации. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹⁰ налагает ряд ограничений, связанных с трудоустройством бывших чиновников в коммерческие организации (ст. 12). В ст. 19.29 КоАП РФ предусмотрена ответственность для юридических лиц и их управленцев за «незаконное привлечение к трудовой деятельности государственного служащего (бывшего государственного служащего)».

Считаем возможным дополнить УК РФ нормой следующего содержания:

«Организация коррупционной группы

1. Создание коррупционной группы, объединяющей должностное лицо с физическим или юридическим лицом для использования должностным лицом своих полномочий или положения в целях извлечения членами группы незаконной имущественной выгоды, а равно руководство такой группой, — ...

2. Участие в коррупционной группе, — ...»

Опасность коррупционной группы не ограничивается тем, что сговор предшествует совершению ряда корыстных посягательств на власть и экономические основы государства. Предлагаемый к включению в УК РФ состав предполагает необходимое соучастие, объединение в преступных целях недобросовестных чиновников с другими лицами. В нем отражен такой существенный признак коррупции, как заинтересованность в ней определенной части общества. Коррупцию (лат. *corruptio* — подкуп) постоянно подпитывают те, кто побуждает должностных лиц к предательству публичного интереса, поэтому они также должны выступать субъектами предлагаемого к криминализации преступления. Так, глава администрации закрытого административно-территориального образования «город Заозерск» в нарушение федерального законодательства (без проведения конкурсных процедур) заключал договоры на строительство жилья для «переселенцев» с коммерческой организацией своего знакомого. При этом несколько раз заключались дополнительные соглашения, которыми увеличивалась стоимость одного квадратного метра жилья, ухудшалось место застройки, размеры площадей, затягивались сроки исполнения договора. Действия главы администрации были квалифицированы как злоупотребление должностными полномочиями¹¹, оснований для уголовного преследования недобросовестного предпринимателя нет.

Развивая идею ответственности как самих коррупционеров, так и потребителей коррупционных услуг, следует отметить, что по отношению к последним действующий закон необоснованно либерален. Мэр Элисты обвинялся в незаконном участии в предпринимательской деятельности. Он обеспечил победу в конкурсе на поставку горючесмазочных материалов коммерческой организации, учредителями которой были его супруга и отец. В результате завышения фирмой цен муниципальному бюджету был причинен ущерб в размере более 800 тыс. руб.¹² Очевидно, что причинение крупного ущерба бюджету не было бы возможным без активного участия учредителей коммерческой организации.

Правильное представление о содержании предлагаемого к включению в УК РФ состава невозможно без установления его соотношения с уже имеющимися нормами о должностных преступлениях. Прежде всего речь идет о корыстных посягательствах должностных лиц и тех, кто им предоставляет выгоды материального характера. Характерный пример этого — получение и дача взятки (ст. 290 и 291 УК РФ). Создание коррупционной группы не является общей нормой по отношению к названным посягательствам, она также не может выступать в качестве нормы «целого», которая бы включала запреты на совершение уже предусмотренных в УК РФ корыстных должностных преступлений.

Подобно тому как при бандитизме (ст. 209 УК РФ) опасно само по себе создание вооруженной группы, которая имеет цель — совершать нападения на граждан и организации, коррупционное объединение должностных лиц с другими гражданами для извлечения незаконной имущественной выгоды создает реальную угрозу разрушения власти. Существенное усиление ответственности за организованную коррупцию в сравнении с ситуативными преступлениями (дача взятки преподавателю, врачу, сотруднику ГИБДД и т. д.) социально обоснованно. Участники коррупционной группы, заинтересованные в предательстве чиновниками служебного долга, в отличие от нерадивого студента, родственника больного, невнимательного водителя, намереваются извлекать незаконную имущественную выгоду из должностных преступлений, которые предполагается совершать в будущем. Поэтому в качестве посягательств, которые бы могли образовывать реальную совокупность с созданием коррупционной группы, выступают злоупотребление должностными полномочиями, их превышение, получение и дача взятки, хищения с использованием служебного положения и т. д.

Для повышения эффективности противодействия наиболее опасным преступлениям УК РФ уже формулирует запреты на деятельность, которая угрожает причинением вреда важнейшим интересам личности, общества, государства. Противодействие терроризму не ограничивается запретом на «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба...» (ст. 205 УК РФ). Статья 205¹ УК РФ запрещает содействие террористической деятельности, которое заключается в склонении, вербовке или ином вовлечении лица в совершение преступлений террористической направленности. Более того, ввиду значительности угрозы преступлением признаны публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма (ст. 205² УК РФ).

Предупредительный потенциал подобных норм состоит не только в упреждении непосредственного разрушения общественных отношений, но и в возможности за счет их применения значительно усилить ответственность виновных. В качестве отдельных составов определены: организация незаконного вооруженного формирования и участие в нем (ст. 208 УК РФ), бандитизм (ст. 209 УК РФ), организация преступного сообщества и участие в нем (ст. 210 УК РФ). Заметим, что перечисленные нормы трудно назвать «мертворожденными». По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2008 г. за совершение преступлений, предусмотренных ст. 208, 209, 210 УК РФ, осуждено соответственно 169, 286 и 181 человек (Форма № 10-а).

Приведенные составы в основном описывают деятельность, направленную на поиск соучастников, их подготовку для совершения особо тяжких преступлений, планирование посягательств. Таким образом, речь идет о наиболее опасных формах организованной преступной деятельности. Учитывая изложенное, идею уголовного преследования потребителей коррупционных услуг, которые стремятся нажиться на предательстве должностным лицом интересов граждан, общества и государства, считаем перспективной.

Предупреждение коррупционных преступлений должно быть эшелонированным. Нужно сочетать нормы, уже ставшие традиционными в российском уголовном законодательстве, с новыми составами, образующими «дополнительные линии обороны» интересов власти и службы. Предпринимаемым коррупционерами мерам конспирации, усилиям, направленным на сокрытие преступной деятельности, необходимо противопоставить новые подходы к конструированию уголовно-правовых запретов. Задача состоит в выявлении признаков, которые бы неопровержимо свидетельствовали о коррумпированности чиновника, степени предательства им интересов службы, характерной для преступления. Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.¹³ предполагается «усиление ответственности за пра-

вонарушения, связанные с коррупцией и злоупотреблением служебным положением, в том числе на основании косвенных признаков коррупции (принцип незаконного обогащения)».

В связи с ратификацией 8 марта 2006 г. Российской Федерации Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.¹⁴, подписанной от имени РФ в Мериде (Мексика) 9 декабря 2003 г., актуализируется вопрос о криминализации незаконного обогащения. Статья 20 Конвенции содержит следующие рекомендации: «При условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т. е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать».

Основной аргумент противников уголовно-правовой борьбы с незаконным обогащением основан на необходимости соблюдения принципа презумпции невиновности, которому якобы противоречит вменение должностному лицу обязанности обосновывать законность обогащения. Действительно, в соответствии с ч. 2 ст. 49 Конституции РФ «обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность». Это конституционное положение получило развитие в ч. 2 ст. 14 УПК РФ: «Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения».

Заметим, само по себе предложение нарушителю запрета обосновывать правомерность его поведения выглядит несколько странно. Традиционно описание преступлений производится посредством указания на их объективные и субъективные признаки, а признак «не может разумным образом обосновать» — негативный, характеризующий посткриминальное поведение.

Правильно считать, что любое правонарушение, тем более преступление, есть категория объективная. Наличие или отсутствие незаконного обогащения не может зависеть от объяснений коррумпированного должностного лица. При этом, вне всяких сомнений, должны быть исследованы все обстоятельства дела. Чиновник, который обоснованно был заподозрен в незаконном обогащении, должен иметь возможность представить доказательства того, что имущество нажито честно. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ «презумпция невиновности, так же как и право не свидетельствовать против самого себя, не исключает возможности проведения — независимо от того, согласен на это подозреваемый или обвиняемый либо нет, — различных процессуальных действий с его участием (осмотр места происшествия, опознание, получение образцов для сравнительного исследования), а также использования документов, предметов одежды, образцов биологических тканей и пр. в целях получения доказательств по уголовному делу»¹⁵.

Статья 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ, в соответствии с которыми обвиняемый и подозреваемый не обязаны доказывать свою невиновность, не запрещают опрашивать данных участников судопроизводства, предлагать им ответить на вопросы, которые имеют значение для правильного разрешения дела. «Сам обвиняемый, — пишет И. Л. Марогулова, — имеет право доказывать свою невиновность, однако это только его право, которое он может использовать, но отнюдь не обязанность»¹⁶.

Между тем нам известны случаи, когда общее право для некоторых категорий граждан перерастает в юридическую обязанность. Так, предупреждение и пресечение преступлений для обычных граждан является правом, а для сотрудников правоохранительных органов — обязанностью. Врачи должны оказывать медицинскую помощь больным.

Иногда права граждан ограничиваются в связи с особым родом их деятельности. Например, государственным и муниципальным служащим запрещено заниматься предпринимательской деятельностью, хотя право «на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской... деятельности» (ст. 34 Конституции РФ), как и право на признание презумпции невиновности гражданина, является конституционным. Нормативные акты ряда других государств, регламентирующие порядок прохождения службы, «говорят о необходимости добровольного ограничения чиновника, отказа от некоторых прав и преимуществ по сравнению с рядовым гражданином»¹⁷.

Достаточно показательна правовая позиция Конституционного Суда РФ: «Конституционное право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию не исключает возможность закрепления в законе определенных требований к лицам, осуществляющим деятельность в органах государственной власти и местного самоуправления...

Гражданин Российской Федерации, пожелавший реализовать указанное конституционное право, добровольно принимает условия, ограничения и преимущества, с которыми связан приобретаемый им публично-правовой статус, и выполняет соответствующие требования согласно установленной законом процедуре. Из этого вытекает, что запреты и ограничения, обусловленные специфическим статусом, который приобретает лицо, не могут рассматриваться как неправомерное ограничение конституционных прав этого лица. Данная правовая позиция неоднократно была выражена Конституционным Судом Российской Федерации в его решениях»¹⁸.

Практически невозможно заработать крупные суммы преподавательской, научной или творческой деятельностью. Источником несоразмерного официальным доходам увеличения активов должностного лица может быть только торговля публичными полномочиями и положением. Установление факта сверхприбылей чиновника порождает серьезные сомнения в том, что он не коррумпирован. Процессуальное законодательство позволяет применять меры государственного принуждения к лицу, только заподозренному в совершении преступления, и к тому, чья вина в общем доказана, но судом виновным он еще не признан.

Действительно, каждый человек изначально невиновен, недопустимо обвинять лицо в совершении преступления только потому, что отсутствуют доказательства его непричастности. Но при наличии фактических данных, свидетельствующих о совершении лицом преступления, можно говорить о презумпции сомнения в его невиновности. Именно обнаружение признаков преступления обязывает уполномоченных лиц принимать все необходимые меры по установлению события преступления и изобличению лица, виновного в его совершении (ст. 21 УПК РФ).

Нельзя презумпцию невиновности рассматривать в качестве преграды для привлечения к уголовной ответственности лиц, представляющих повышенную опасность для общества. Она выступает основой для создания процедурных гарантий от необоснованного преследования лиц, не совершавших преступления. Рассматривая проблему соотношения истины и процедуры в судопроизводстве, В. В. Лунеев пишет: «Давно известно, что процедура всемогуща. Она может способствовать решению самых сложных проблем или загубить поиск даже очевидной истины. Но как бы ни относились мы к процессуальным проблемам, процедура никогда не может быть выше искомой истины по делу»¹⁹. Аналогично процедура не может быть препятствием для разработки новых подходов к криминализации общественно опасного поведения.

В противном случае любой конституционный принцип можно довести до абсурда. Например, ст. 105 УК РФ, устанавливающую ответственность за умышленное убийство, можно признать противоречащей Конституции РФ в силу того, что она запрещает стрелять на поражение в каждого, кто без согласия хозяина переступил порог его квартиры, так как жилище неприкосновенно (ст. 25 Конституции РФ).

Возможно, некоторые противоречия между ст. 20 Конвенции и принципами российского законодательства будут не так очевидны, если мы не будем в диспозиции нашей нормы предлагать должностному лицу обосновывать возникшую диспропорцию между его активами и законными доходами. Значение объяснений и оправданий коррумпированных должностных лиц тем меньше, чем больше разница между их фактическими и официальными доходами. Связанность количественного признака с денежным содержанием конкретного должностного лица позволит распространить предупредительное воздействие на все уровни власти.

Важно отметить, что уголовная ответственность должна наступать не за сам факт несоответствия фактических и официальных доходов чиновника, а за его коррупционное поведение, которое привело к подобному дисбалансу. Конструируя уголовно-правовой запрет на незаконное обогащение, нужно подчеркнуть, что оно стало следствием коррупционного поведения самого виновного, а не третьих лиц. Превышение общих доходов над законными следует рассматривать одновременно как деятельность виновного и ее результат.

Последний тезис показывает наличие еще одной серьезной проблемы, связанной с криминализацией незаконного обогащения. Это вопрос о соответствии предлагаемой в Конвенции нормы и ч. 1 ст. 14 УК РФ, в соответствии с которой преступление — это всегда деяние. В процессуальном законодательстве указывается, что при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию «событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления)» (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Незаконное обогащение состоит в значительном превышении фактических активов должностного лица над законными. Если для привлечения к ответственности за предлагаемое к криминализации посягательство будет необходимо устанавливать конкретные способы обогащения: эпизоды хищений, получения взяток, корыстных злоупотреблений и т. д., — то дополнение УК РФ запретом на незаконное обогащение теряет смысл.

Возможно, проблему криминализации незаконного обогащения следует решать с учетом развивающегося отечественного антикоррупционного законодательства. Статья 8 Федерального закона «О противодействии коррупции» обязала государственных служащих предоставлять сведения о доходах. Эти сведения служащий предоставляет нанимателю (руководителю), который осуществляет их проверку как самостоятельно, так и посредством правоохранительных или контролирующих органов. В качестве санкции за невыполнение служащим обязанности предоставлять сведения о доходах определено освобождение от замещаемой должности и иные виды дисциплинарной ответственности (ч. 8 ст. 8). В Законе отмечается, что для служащих «могут устанавливаться более строгие запреты, ограничения, обязательства, правила служебного поведения» (ч. 9 ст. 8).

Закон не объясняет, как поступать в ситуации, когда чиновник скрыл свои реальные «необъяснимые» доходы и они были выявлены правоохранительными органами. Очевидно, необходимо сформировать логическое продолжение нормы и реализовать пожелания, заложенные в преамбуле, где декларируется, что Законом «О противодействии коррупции» устанавливаются «...правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней...». Получается, что основы созданы, а реальной борьбы нет. Поэтому предлагаем дополнить УК нормой следующего содержания:

«Коррупционное обогащение

1. Непредоставление должностным лицом сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, а равно предоставление заведомо ложных сведений в случае превышения активов указанных лиц над законными доходами в крупном размере, — ...

2. Те же деяния, совершенные в случае превышения активов над законными доходами в особо крупном размере, — ...

Примечание. Крупным размером превышения активов над законными доходами признается сумма, превышающая среднемесячное денежное содержание должностного лица в пятьдесят раз, а особо крупным размером — в двести раз».

Деяние в предлагаемой норме состоит в непредоставлении должностным лицом сведений о доходах либо в предоставлении ложных сведений. В качестве обязательного признака объективной стороны выступает обстановка превышения активов субъекта и его близких родственников над законными доходами в значительном размере. Заметим, обстановка складывается до совершения преступления и может создаваться как самим виновным, так и другими лицами. Существенно то, что наличие такой обстановки должно осознаваться преступником. Поэтому при вменении должностному лицу превышения активов, а равно активов близких родственников над законными доходами в крупном размере, следовало бы исключать возможность «оговора». Создание видимости совершения чиновником преступления может выразиться, например, в переводе на счет должностного лица денежных средств без его согласия.

Подводя краткие итоги, повторим, что предпринимаемым коррупционерами мерам конспирации, усилиям, направленным на сокрытие преступной деятельности, необходимо противопоставить новые подходы к конструированию уголовно-правовых запретов. Как поясняет В. В. Лунев применительно к острым проблемам противодействия преступности в целом: «Речь идет не о попрании важнейших и выстраданных принципов уголовного правосудия и неотъемлемых прав человека. Речь идет об острой необходимости нахождения правового выхода из опасной криминологической ситуации»²⁰.

Повышенная опасность коррупционных преступлений свидетельствует о необходимости формирования трех рубежей охраны публичных отношений и оптимизации системы норм. Первый рубеж охраны предполагает пресечение возникновения коррупционных связей. Он может быть выражен в запрете на создание коррупционной группы, которая представляет собой сговор чиновника и других лиц с корыстной целью. Второй рубеж представляют ныне действующие нормы о должностных преступлениях, которые предусматривают конкретные случаи хищений, получения взятки, злоупотреблений должностными полномочиями и их специальных видов. Третий рубеж могло бы обеспечить установление уголовной ответственности за коррупционное обогащение. Важно понимать, что оборотной стороной «благоприятной» для чиновника обстановки, когда его активы существенным образом превышают законные доходы, является причинение им вреда публичному интересу. При этом величина суммы незаконно нажитых коррупционером денежных средств прямо пропорциональна мере предательства интересов личности, общества и государства.

¹ Клейменов М. П. Экспертные оценки коррупции в мире и России // Меры противодействия коррупции: проблема разработки и реализации: материалы науч.-практ. семинара с приложением междунар. правовых актов и проектов федеральных законов / под ред. С. В. Землюкова. Барнаул, 2009. С. 100.

² Лунев В. В. Преступность в России: тенденции, эффективность борьбы, прогноз // URL: http://www.iggran.ru/public/publicsite/luneev_prestupnost_in_russia.doc (дата обращения: 10.07.2009).

³ Клейменов М. П. Указ. соч. С. 99.

⁴ Пименов Н. А. Коррупция — угроза экономической безопасности предприятий и государства: науч.-практ. изд. М., 2009. С. 24.

⁵ Определение Верховного Суда РФ по делу Ю. Е. Александрова от 20 октября 2008 г. № 9-008-53 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Верховного Суда РФ по делу В. А. Бородин от 22 сентября 2008 г. № 9-008-19 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Рос. газ. 2008. 6 июня.

⁸ О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52. Ч. I. Ст. 6235.

¹⁰ СЗ РФ. 2008. № 52. Ч. I. Ст. 6228.

¹¹ Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации: противодействие коррупции // URL: <http://www.sledcomproc.ru/corruption/inquest/detail> (дата обращения: 21.12.2009).

¹² Генпрокуратура России утвердила обвинительное заключение по уголовному делу в отношении бывшего мэра Элисты // URL: <http://forsmi.ru/node/8139/print?printversion=normal> (дата обращения: 09.06.2009).

¹³ СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

¹⁴ О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: Федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1231.

¹⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 46 и пункта 3 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2004 г. № 448-О // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2005. № 3. С. 14.

¹⁶ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л. А. Окунькова. М., 1996. С. 156.

¹⁷ Волженкин Б. В. Коррупция. СПб., 1998. С. 17.

¹⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Королевой Александры Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав статьей 13 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 191-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Лунеев В. В. Проблемы юридических наук криминального цикла // Государство и право. 2007. № 5. С. 51.

²⁰ Лунеев В. В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. 2009. № 1. С. 38.